

ИСТОРИЯ

Л.Б. Гмыря

**ПРАВОВЫЕ НОРМЫ НАСЕЛЕНИЯ
ПРИКАСПИЙСКОГО ДАГЕСТАНА В IV-VII В.**

В эпоху Великого переселения народов (IV—VIII вв.) на обширных пространствах Евразии произошли существенные демографические изменения. Коснулись они и предкавказских степей Прикаспия (совр. Прикаспийский Дагестан), где в этот период образовалась сложная этнокультурная ситуация (История Дагестана, 1967. С. 116; История народов Северного Кавказа..., 1988. С. 93, 94, 96; *Гаджиев М.Г., Давудов ОМ., Шисаидов А.Р.*, 1996. С. 152-155; История Дагестана..., 2005. С. 157-158; Гмыря Л.Б., 1995; 2002. С. 156-158; 2009. С. 8-18; *Агларов М.А.*, 1998. С. 3), характер которой был обусловлен рядом факторов.

В IV-VII вв. этнический состав этого региона претерпел существенные изменения. Военный и политический приоритет ираноязычных племен (сарматы, аланы) при существенной роли в социально-экономическом развитии местного кавказского населения в конце IV в. сменился длительным господством в Прикаспии различных военно-политических и государственных образований тюркоязычных племен (*Пигулевская КВ.*, 1940; 1941; *Артамонов М.К.*, 1962; 2002; *Федоров А.Я.*, 1972; *Федоров Я.А., Федоров Г.С.*, 1978; *Гадло А.В.*, 1979; *Джафаров Ю.Р.*, 1985; *Новосельцев АЛ.*, 1990; *Гмыря Л.Б.*, 1995, 2002; 2006).

Массовая миграция из Азии на территорию Прикаспийского приморья нового населения, обозначенного в источниках гуннами, и его обоснование в районе Дербентского прохода фиксируется в трудах армянских, сирийских, римских авторов с 90-х гг. IV в. (Евсевий Иероним, Клавдий Клавдиан, Иешу Стилиит, Псевдо-Захария, Моисей Хоренский, Мовсес Каланкатуаци и др.). Однако начало инфильтрации гуннских племен в этот регион отнесено в источниках ко II в. н.э. (Дионисий Перизетгет, Клавдий Птолемей и др.), в III - первой половине IV в. отмечается их внедрение в местные политические единицы и военная активность в Закавказье (Агафангел, Фавстос Бузанд, Моисей Хоренский, Мовсес Каланкатуаци и др.).

Особенностью этнической истории Прикаспийского Дагестана в эпоху Великого переселения народов является поэтапный характер процесса внедрения в этот регион различных тюркоязычных племенных образований из Центральной Азии и Южной Сибири.

В начале VI в. военно-политическое господство гуннов в Прикаспийском Дагестане сменилось приоритетом продвинувшихся в этот регион болгарских племен (савиры и др.). В конце VI в. население Прикаспия, как и всего Северного Кавказа, попало в политическую зависимость от Первого Тюркского каганата, проведшего в 30-х гг. VII в. ряд крупных военных акций в закавказских провинциях сасанидского Ирана (Кавказская Албания, Армения, Восточная Грузия), в том числе и в Прикаспии (г. Дербент), в которых были задействованы помимо тюрков и местные тюркоязычные племена. В первой половине VII в. над этой территорией установилось господство Хазарского каганата, продолжавшееся до разгрома политических центров Прикаспийского Дагестана Арабским халифатом в 40-х гг. VIII в.

Внедрение в прикаспийский регион крупных масс иноэтнического населения привело к демографическим изменениям на его территории, существенно повлияло на военно-политическую обстановку на Восточном Кавказе и в Закавказье, сказалось на социально-экономическом и этнокультурном развитии. Изменения в демографическую ситуацию внесли также включение южной части Прикаспийского Дагестана вместе с Дербентским проходом в состав сасанидского Ирана (середина V - первая половина VIII в.) и кавказские войны Арабского халифата (40-50-е гг. VII в.; 707-738 гг.).

Этнокультурные процессы, протекавшие в Прикаспийском Дагестане в эпоху Великого переселения народов, отличались сложностью и специфичностью. На их особенность оказывали влияние, в частности, полиэтничность региона и периодическая смена ведущих этнополитических сил. Данные письменных источников свидетельствуют о тесных контактах тюркоязычных племен региона в военной, политической, культурной и идеологической областях с некоторыми этническими образованиями кочевников, освоившими равнинные территории Западного Прикаспия в догуннский период. При внедрении новых массивов тюркоязычных племен налаживалась их совместная деятельность с насельниками предшествующих этапов миграции. Эти процессы способствовали консолидации населения, приводили к созданию союзов племен. В 40-60-х гг. IV в. успешно функционировало политическое образование «страна маскутов», известная и как область «масаха-гуннов» (Агафангел, Фовтос Бузанд). В середине V в. существовало военно-политическое объединение двух подразделений гуннских племен - гуннов и хайландурков (Егише); в VI в. болгарские племена савиры объединились с обитавшими в Прикаспии гуннами, что нашло отражение в их совместной деятельности под наименованием «гунны-савиры» (Феофан Исповедник, Прокопий Кесарийский, Агафий). В первой четверти VI в. один из таких союзов включал 100 тыс. человек (Феофан Исповедник).

Территория Прикаспия обозначалась в армяноязычных, сирийских и византийских источниках при описании событий V-VII вв. определениями, включавшими этноним гунны - «область гуннов», «земля гуннов», «пределы гуннов», «страна гуннов», «царство гуннов». В них конкретный этнический компонент, как правило, условен и собирателен, он отражает стабильное преобладание и военно-политическое господство в этом регионе степного населения определенного антропологического облика, говорившее на тюркских языках, ведущее схожий образ жизни, имевшее тождественные культурные традиции и религиозные верования.

Процесс консолидации населения Прикаспия завершился к VII в. В 50-80 гг. VII в., по данным письменных источников, военно-политическое образование «страна гуннов» находилось по уровню социально-политического развития на пути формирования государственности раннефеодального типа {Гмыря Л.Б., 1979; 1980; 1988; 1995; 2000; 2009}.

В исторических источниках описывается в основном военно-политическая деятельность союзов племен Прикаспия в IV—VII вв., но имеются также, хотя и лаконичные, но важные сведения о местах их обитания, хозяйственной деятельности, формировании союзов племен, наличии с сер. VII в. городской жизни, составе воинских подразделений, вооружении, тактике ведения сражений. В трудах историков имеются также данные о религиозных представлениях и религиозной практике (обрядовая деятельность) тюркоязычного населения (Гмыря Л.Б., 1995; 2009).

Отражены в источниках и правовые отношения, господствовавшие в среде тюркоязычных племен Прикаспийского Дагестана. Данные о них дают определенные представления о социальном составе союзов кочевых племен Прикаспия в период IV - первой пол. VII в., формах их функционирования и управления, способах подготовки военных операций, составе воинских подразделений, наличии военно-религиозной обрядности. Касаются эти сведения и дипломатической деятельности - состава посольств при заключении внешнеполитических договоров, клятводоговоров, скрепляющих международные договора, церемонии приветствия иностранных правителей. Имеются данные и об участии в управлении союзами племен Прикаспия женщин. Данные по вопросам права в сообществах Прикаспийского Дагестана свидетельствуют о господстве в их среде обычного права, обозначенного в источниках как «традиции отцов». Передаваемые из поколения в поколение выработанные традиции организовывали и регламентировали социальную сферу союзов племен, а также обеспечивали определенный политический статус во взаимоотношениях с иностранными государствами и иноэтничными образованиями.

Сведения письменных источников о «стране гуннов», относящиеся ко второй половине VIII в., носят более системный характер в сравнении с предшествующим периодом. В источниках имеются конкретные данные о занимаемой «страной гуннов» территории, ее социальном составе и правах населения, об органах власти и системе управления сообществом, о структуре армии и ее роли в жизнеобеспечении страны, а также о дипломатической деятельности правителя. Отражена в них и роль в обществе организации священнослужителей. Сохранившиеся сведения дают возможность составить определенное представление о составе обычного и обязательного права, о семейном праве, формах общественной и личной собственности, об имущественном и наследственном праве. Имеются также некоторые сведения о работе суда, прохождении судебного процесса, системе карающих мер.

Наиболее ранние сведения о правовых отношениях в союзах кочевых племен Прикаспия относятся к 40-50-м гг. IV в.

Как отмечалось, в V-V вв. в степях Восточного Предкавказья сложился союз гуннских и маскутских племен. Это отразилось в обозначении армянскими писателями V в. обитавшего в регионе населения через двойные этнонимы: гунны-хайландурки (Егише) и масаха-гунны (Агафангел). Маскуты (масаха), владения которых в первых веках н.э. находились в районе Дербентского прохода, наладили с гуннами военные, политические и этнокультурные связи. Армянская литературная традиция связывает трагическую гибель епископа Григориса (320-337) (внук первосвященника Армении Григора), предпринявшего в 30-х гг. IV в. попытку христианизации кочевых племен Прикаспия, с царем маскутов Санесаном. Место гибели епископа обозначено в источниках не очень отчетливо - «поле Ватнеан» на берегу «великого северного моря», соотносимое с районом, расположенным к югу от Дербента. По данным армянских источников, царь Санесан происходил из армянского династического рода Аршакидов (*Фавстос Бузанд*. III. VI). Он считался сородичем и современником армянского царя Хосрова Котака (прим. 330-338), однако обстоятельства воцарения представителя правящего дома Армении в «стране маскутов» в источниках не освещены. Санесан ранее был правителем Пайтакарана - области Армении, расположенной по левобережью р. Куры (*Тер-Саркисян*, 2005. С. 141).

Маскуты, этноним которых определил название «страны маскутов», видимо, относились к коренному населению этого региона. Однако их численный состав не был значительным. Их союзники гунны составляли основную часть населения страны, в источнике их численный состав определен как «множество» (*Фавстос Бузанд*. III. VI), а царь Санесан обозначен как «повелитель многочисленных войск гуннов».

Пребывание гуннских племен в «стране маскутов», видимо, было достаточно продолжительным. Гунны считали ее «страной нашей», т.е. фактически родиной. Войско гуннов состояло из конных подразделений, добывавших средства существования для всего населения. Захваченные в военных акциях материальные ценности гунны «страны маскутов» считали «добычей, которой мы живем», основным средством существования. Их полководцы, убеждая царя в необходимости набега на Армению, приводили такие выводы: «совершим набег на Армению и наполним нашу страну добычей» (*Фавстос Бузанд*. III. VI). В набеге на Армению, последовавшем за казнью христианского проповедника Григориса, помимо материальных ценностей и скота были захвачены и многие жители этой страны (*Фавстос Бузанд*. III. VII).

Фавстос Бузанд точно передал особенности традиционной экономики кочевых племен, входивших в состав «страны маскутов», определив набеги на соседние государства как их «исконный обычай» (*Гмыря Л.Б.*, 2009. С. 89). По данным Фавстоса Бузанда, гуннские воины «страны маскутов» считали: «Если мы не будем похищать, если не будем грабить, если не будем отнимать чужого имущества, то как же можем мы прокормиться с таким множеством войска?...чем нам жить, если по исконному нашему обычаю не садиться на коней» (*Фавстос Бузанд*. III. VI). Важно отметить, что в сообществе гуннских племен Прикаспия господствовали нормы обычного права

(«исконный обычай»), по которым военная добыча считалась основным источником существования.

Статус гуннского войска в «стране мазкутов» был довольно высоким, царь Санесан считался с его интересами. Приняв крещение, он, по данным Фавстоса Бузанда, «изменил свою мысль и внял словам своего войска», которое выразило недовольство устоями христианства. Санесан пресек христианизацию населения «страны мазкутов» и согласился с требованием гуннов казнить проповедника Григориса. Он также по настоянию войска организовал грандиозный набег на Армению в период между 330 и 338 гг. Захватив страну, царь Санесан находился в Армении почти год, но был разгромлен полководцем Армении Ваче Мамиконяном (*Фавстос Бузанд*. III. VII).

Рассказывая о военных и политических событиях в «стране мазкутов», Фавтос Бузанд привел сведения о подготовке военных операций, обратив особое внимание на проведение смотра войск: «Не было числа множеству его конных полков и счета пешему войску, вооруженному палицами, так что и сами они не могли сосчитать свое войско. Но когда они прибывали на какое-нибудь знаменательное место, то устраивали смотр по полкам, знаменам и отрядам на видных местах, приказывая чтобы каждый человек нес по камню и бросал в одно место в кучу, чтобы по тому сколько окажется камней, можно было определить количество людей и чтобы оставался на будущие времена этот грозный знак прошедших событий. И всюду, где они проходили, они оставляли такие знаки на перекрестках дорог и на путях» (*Фавстос Бузанд*. III. VII).

Анализ этих данных дает возможность определить действия участников смотра, как военно-религиозный обряд (*Гмыря Л.Б.*, 2009. С. 91-102), в котором особое значение придавалось сооружениям из камней. Важна также информация автора о традиции военного обучения населения и, в частности, подготовке набегов на соседние страны. Смотр войска проводился, видимо, в военном лагере, расположенном в особом месте, обозначенном как «знаменательное место», т.е. известное в стране. Осуществлялся он по структурным подразделениям войска — «по полкам, знаменам и отрядам». Войско, собранное для нападения на Армению, насчитывало, по сведениям армянского историка V в. Моисея Хоренского, 20 тыс. воинов (*Моисей Хоренский*. III. 9), по данным албанского историка VII в. Мовсеса Каланкатуаци - 30 тыс. воинов (*Мовсес Каланкатуаци*. I.XII). В состав войска «царя мазкутов» входил «коренной полк», состоявший из конницы и пехоты, вооруженной палицами. Пехота формировалась на условиях наемничества в период проведения крупных военных акций. В набеге на Армению помимо мазкутов, гуннов и алан участвовали также представители 11 кавказских этносов, перечисленные автором, а также и другие народы, обозначенные как «несметное множество других разношерстных кочевых племен». Видимо, каждое подразделение войска формировалось по этническому принципу и имело отличительные знаки на знаменах.

Данные о смотре войск «по полкам, знаменам и отрядам» в «знаменательном месте» в «стране мазкутов» Прикаспия перекликаются с информацией о наличии военных заповедников в Тюргешском каганате (699-739) - наследнике традиций Западнотюркского каганата (*Кляшторный С.Г., Султанов Т.Н.*, 2000. С. 94-99), где также проходила подготовка войска к предстоящей операции. Арабоязычный историк Ибн ал-Факих (писал в нач. X в.) подробно описал один из военных смотров, проведенный перед арабским посольством, прибывшим в ставку тюргешского кагана Сулука с целью обращения его в ислам в период арабо-тюркских войн в Средней Азии (720-732 гг.). По данным Ибн ал-Факиха, каган в сопровождении десяти знаменосцев вместе с арабским послом отправились к месту, находившемуся недалеко от ставки, где был проведен смотр войск: «(Вскоре) мы достигли окруженного рощей холма. Как только взошло солнце, он приказал одному из десяти сопровождавших его людей развернуть свое знамя, и оно засверкало (в солнечных лучах)... И появились десять тысяч вооруженных всадников, которые кричали: чах! чах! Они выстроились под холмом. Их командир выехал перед царем. Один за другим все знаменосцы разворачивали (на холме) свои знамена, и каждый

раз под холмом выстраивалось десять тысяч всадников. И когда были развернуты все десять знамен, под холмом стояли сто тысяч вооруженных с головы до ног всадников» (См.: *Кляшторный С.Т., Султанов Т.Е.*, 2000. С. 97).

Военный лагерь тюргешей арабоязычный историк ат-Табари (839-923) назвал «заповедным лугом». Это определение соотносится с обозначением Фавстосом Бузандом военного лагеря в «стране мазкутов» Прикаспия как знаменательного места. Он выделил в своем описании заповедника тюргешей ряд функций: «Хакан приказал своим готовиться к войне. А у хакана были во владении луг и заповедные горы, к которым никто не приближался и не смел в них охотиться, ибо они были оставлены для (подготовки) к войне. Пространство, которое занимал этот луг, было в три дня (пути) и заповедника в горах - три дня. И люди стали готовиться (к походу). Они выпустили пастись свои стада (на заповедный луг), стали дубить шкуры убитых на охоте животных и делать из них сосуды, стали изготавливать луки и стрелы» (См.: *Кляшторный С.Г.*, 2001. С. 75). Описанный заповедник являлся местом сбора и подготовки войск перед военным походом. Подобные заповедники зафиксированы китайскими историками и у хуннов - кочевых племен, обитавших у северных границ Китая. В период правления шаньюя Модэ (209-174 гг. до н.э.) большой заповедник хуннов находился в горах на границе с Китаем. На его территории разводили дичь, заготавливали материал для оружия, отсюда осуществлялись военные акции против Китая (См.: *Бичурин Н.Я.*, 1950. С. 93-96).

Существование специальных заповедных территорий в Прикаспии, которые использовались для подготовки крупных военных акций, свидетельствует как о наличии в военном деле кочевников Западного Прикаспия выработанных, устоявшихся методов организации и осуществления военных кампаний, так и о древности этих традиций, являющихся общекультурным явлением в кочевом мире пояса степей Евразии. Следует также отметить, что участие в военных акциях в «стране мазкутов» было обязанностью взрослого мужского населения.

Некоторые данные о правовых нормах в «стране хайландурков» Прикаспия привел Мовсес Каланкатуаци. Он описал факт принятия христианского учения крупным подразделением войск царя «северных народов», осуществившего примерно в середине апреля 440 г. набег на страны Закавказья (*Гмыря Л.Б.*, 2009. С. 112-117). Исследователи считают, что под «северными народами» в описываемых событиях следует понимать кочевые племена хайландуров, засвидетельствованных ранним армяноязычным историком Егише (V в.) в событиях на Восточном Кавказе первой половины V — 60-х гг. V в. (См.: *Артамонов М.И.*, 1962. Прим. 15. С. 12; *Джафаров Ю.Р.*, 1977; 1979. С. 56-57). Термином хайландуры, как полагают, у Егише обозначено ядро первого крупного объединения гунно-булгарских племен Северного Кавказа, состоявшее из булгарских племен сарагур, огур и оногур (*Джафаров Ю.Р.*, 1985. С. 65). Местонахождение царства «северных народов», войско которого совершило набег на Закавказье в 40-е гг. V в., по данным Мовсеса Каланкатуаци конкретно не восстанавливается. По косвенным указаниям автора, царство «северных народов» располагалось в пределах Северного Кавказа. В его состав входила и «страна гуннов» Западного Прикаспия, войско которой также участвовало в этой акции. Сведений о самом набеге кочевых племен Мовсес Каланкатуаци сообщил мало, основное внимание автора было сосредоточено на описании подвига крупного подразделения войска царя «северных народов», принявших христианскую веру и подвергшихся «лютной смерти», но не отказавшихся от веры. Однако в источнике имеются ценные данные, касающиеся организации военного дела номадов, а именно — структуры войск.

Войско царя «северных народов» состояло из 11 армий. Прибыв к месту вторжения в Закавказье, царь сформировал 3 крупных подразделения, назначив во главе каждого из них полководцев. Численный состав подразделений был обусловлен количеством объектов, подлежащих набегу - Алуанк (Кавказская Албания), Армения и Иверия (Грузия). Одни из полководцев подразделения обозначен в источнике как «полководец гуннов», по отношению к нему употреблены также определения «великий полководец

гуннов» и «князь иноплеменников» {Гмыря Л.Б., 2009, С. 113). Он занимал в иерархии названного царства высокую ступень, т.к. входил в число наиболее приближенных к царю военачальников. Возможно, великий полководец гуннов являлся правителем наиболее крупного племенного объединения, находившегося в политической зависимости от царя «северных народов» {Гмыря Л.Б., 2009. С. 113). Но его статус определялся и личными достоинствами полководца, которые были отмечены царем: «Был ты любим в нашем царстве и, побеждая доблестью своей, был весьма чтим мною, за что и предпочтен всем остальным и прославлен, имея начальство над третьей частью войска моего» {Мовсес Каланкатуаци. I. XXX). Под его командованием в данной акции находилось 30 отрядов, возглавлявшихся военачальниками. Возможно, количество отрядов соответствовало числу племен, находившихся под властью великого полководца гуннов. В набеге участвовали и два его сына. Автор упомянул о наличии знамен в этом подразделении, на которых, по косвенным данным, имелись символические изображения.

«Великий полководец гуннов», совершив набег на Кавказскую Албанию, в силу особых обстоятельств принял христианское вероучение, получив новое имя Теофил (Боголюбивый). Крещение приняли также два его сына (Мовсэс и Анерологис), 30 военачальников и воины этого подразделения.

По-традиции, по окончании успешной военной акции в стане царя «северных народов» был исполнен языческий обряд жертвоприношения богам, «которые дали ... победу в этих набегах» {Мовсес Каланкатуаци. I. XXX). В лагере же великого князя гуннов «пышно отпраздновали праздник Господний» {Мовсес Каланкатуаци. I. XXX), т.е. Пасху, украсив военные атрибуты - знамена изображениями креста.

Мовсес Каланкатуаци привел интересные данные, о системе разбирательств по факту измены религии предков. Сначала царь попытался убедить князя гуннов вернуться к традиционным верованиям. Им были приведены такие доводы:

1) «Был ты любим в нашем царстве... был весьма чтим мною...»;

2) «Зачем ты оставил благородных богов своего народа, которые дали нам победу в этих набегах?»;

3) «[Зачем] ты поклоняешься Богу, которого мы не знаем?»;

Затем он потребовал принести «жертву нашим Богам», т.е. исполнить языческий обряд на победу в набеге и подтвердить свою приверженность отечественным верованиям.

Была дана возможность высказаться и князю гуннов, который осудил поклонение идолам (изображениям богов) подданными царя, назвав священные атрибуты «немыми». Т.е. состоялся своеобразный судебный процесс, в котором были заслушаны как «сторона обвинения» - царь «северных народов», так и «сторона осуждения» - великий князь гуннов.

Казнь принявших христианство состоялась после отказа новокрещенных исполнить традиционный языческий обряд по случаю успеха в набеге. Как указал автор, князя Теофила и 30 его полководцев лишили жизни «лютою смертью» {Мовсес Каланкатуаци. I. XXX). Сыновей князя Теофила, пытавшихся укрыться в горах Кавказа вместе со своими воинами, настигли посланные им вдогонку отряды. Как отметил автор, их также уговорами пытались «склонить к поклонению идолам и повиновению царю. Но убедить их им не удалось, и на том же месте они предали их мечу» {Мовсес Каланкатуаци. I. XXX).

В «стране гуннов» существовало обычное право - система традиционных устоев, регламентирующих функционирование этого политического образования. Об этом свидетельствуют некоторые данные, касающиеся внешнеполитических отношений. Заключение союзнических соглашений и договоров закреплялось в «стране гуннов» клятвой, которая представляла собой словесную формулу, подтверждающую международные договоренности {Гмыря Л.Б., 2009. С. 117-121).

Наиболее ранние сведения о применении клятводоговора в «стране гуннов» относятся к середине V в. Армяноязычный историк V в. Егише Вардапет, отметивший важную роль гуннов в антииранском народном восстании 450-451 гг. в Персидской Армении, поднятом в ответ на усиление гонений на христиан, описал обстоятельства

заклучения союза гуннов и восставших. По данным Егише, в «страну гуннов» и «другие земли варварские, помогающие гуннам», было направлено посольство во главе с представителем царской семьи Кавказской Албании князем Вааном, «чтобы заключить с ними мирный договор и стать за одно против неприятеля» {Егише. III}. Договор был скреплен клятвами. Клятва гуннов носила традиционный характер, по данным автора, она была исполнена «согласно с своим законом». В ней гунны «обещали сохранить в верности взаимные их условия». Клятводоговор у гуннов являлся одним из компонентов традиционных устоев и, видимо, имел выработанную форму. Мовсес Каланкатуаци, описавший эти же события, дал некоторые пояснения содержанию клятводоговора у гуннов. По его данным, гунны «клятвенно по закону неба заключили союз, приняли клятву христианскую - хранить с ними твердое согласие и мир» {Мовсес Каланкатуаци. II. II}. Упоминание этим автором «закона неба» дает основание предположить, что при заключении договора о союзе гунны клялись именем божества Неба (Тенгри). Данные источников о клятводоговоре у гуннов Прикаспия свидетельствуют как о прочности сложившейся традиции в международных отношениях, так и религиозной сущности клятв.

В «Хронике» сирийского автора второй пол. VI в. Псевдо-Захарии Митиленского прибрежная полоса Северо-Восточного Кавказа, включавшая «Каспийские ворота» (Дербент) и территорию к северу от прохода обозначена как «пределы гуннские» {Псевдо-Захария. 12. 7}. По его данным, в степях Западного Прикаспия обитали 13 схожих по образу жизни племен: авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сирургур, баграсик и др. Приведенные Псевдо-Захарией основные характерные черты быта населения «пределов гуннских» - «живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием», свидетельствует о том, что в источнике речь идет о номадах Северо-Восточного Кавказа.

«Пределы гуннские» VI в. идентифицируются многими исследователями как местообитание гунно-савирского (савирского) союза племен Западного Прикаспия {Пигулевская КВ., 1941. С. 87; Артамонов М.И., 1962. С. 69-79; Гадло А.В., 1979. С. 93-94; Джафаров Ю.Р., 1985. С. 72-73, 76-80; Новосельцев А.Л., 1990. С. 82-83; Гмыря Л.Б., 1980; 1995. С. 95-96; 2002. С. 168}. Гуццо-савиры как этнополитическая сила заявили о себе грандиозным походом через «Каспийские ворота» в Армению и области Передней Азии в 516/517 г., что было отмечено в «Хронографии» византийского историка Феофана Исповедника (ок. 760-818). Этнически савиры не отличались от гуннов, что отразилось в обозначении их в первоначальный период многими византийскими историками сдвоенным этнонимом «гунны-савиры» {Прокопий Кесарийский I. XV; Агафий. III. 17-18; Феофан Исповедник. 516/517}. Со второй половины VI в. эти племена именуется в византийских источниках, как правило, савирами.

В 20-30-е гг. VI в. в Восточном Предкавказье образовалось несколько союзов кочевых племен. Правитель одного из них, имя которого передано в византийских источниках как Зилгивин, с которым в 522 г. вел переговоры император Юстин I (518-527), обозначен в хронике Феофана Исповедника титулом «царь гуннов» {Феофан Исповедник. 522}. Византийским авторам была известна и правительница савир Боарикс, возглавлявшая после смерти своего мужа Валаха 200-тыс. союз племен в Прикаспии. В 527/528 г. она вела переговоры о союзе с императором Юстинианом I (527-565). Во внутренних пределах «страны гуннов» находились владения, возглавляемые другими вождями савир, которые были союзниками Персии.

У Псевдо-Захарии имеется подробное описание просветительской деятельности в период 537-555 гг. албанских епископов Кардоста и Макария в «земле гуннов» среди пленников-христиан и номадов Прикаспия. Данные сирийского автора дают некоторое представление о гражданских правах пленников и рабов в «стране гуннов». В VI в. шли интенсивные войны между Византией и Персией (См.: Гмыря Л.Б., 1995). В плен к гуннам Прикаспия попадало разноязычное население, как подвластное Византии, так и Персии, а также из стран Закавказья. Несвободное население пополнялось также за счет рабов, приобретенных на невольничьих рынках. В этой связи показательна судьба двух

подданных Византии - послушника монастыря Иоханана и кожевника Томаса, описанная Псевдо-Захарией. Оба попали в плен во время осады персами города Амида и были уведены в Персию, где их продали гуннам. Они прожили в неволе у гуннов 34 года, но завели семьи - «взяли жен, породили детей». В Сирию бывшие рабы возвратились более чем через 50 лет. В «стране гуннов» было значительное количество потомков умерших в неволе у гуннов христиан, они обозначены у сирийского автора как «дети мертвых».

Несмотря на то, что пленники и рабы обзаводились в неволе семьями, они, однако, относились к категории несвободного населения, насильственно внедренного в чуждую культурную и конфессиональную среду. Они не обладали какими-либо правами в жизни местного общества. Их социальный статус был наиболее низким. Однако, несвободное население «страны гуннов» все же сохранило свою конфессиональную принадлежность, что свидетельствует о веротерпимости по отношению к нему местной власти. В свою очередь, исповедание пленниками и рабами христианской веры в чуждой среде языческих племен говорит об отстраненности их от культурных ценностей местного населения. Отмеченный Псевдо-Захарией перевод в 544 г. христианскими проповедниками Евангелия на «гуннский язык» (тюркский) может быть интерпретирован как факт освоения языка господствующего этноса разноязычным несвободным населением уже во втором поколении («дети мертвых») и приобщении через него к культуре местного населения, в том числе и некоторым религиозным устоям. Это обусловило формирование в среде потомков пленников и рабов дуалистических верований (симбиоз христианства и политеистических верований господствующего этноса).

Некоторые свидетельства источников дают представление о принципах ведения международных переговоров сообществами кочевников Прикаспия в VI в. В 504 г., по данным Псевдо-Захарии, гунны Прикаспия, состоявшие в это время в союзе с Персией, с целью добиться от нее пересмотра прежних соглашений относительно объема выплачиваемых им податей, закреплявших их союзничество, предприняли против нее военную акцию. Она была спровоцирована Византией, пообещавшей назначить гуннам двойную от персидской подать в случае разрыва гунно-персидского союза, направленного против империи. Гунны не пошли на прямое нарушение договора с Персией, но подойдя скрытно с войсками к ее границам, потребовали от персидского царя Кавада (488-496; 499-531) компенсировать выплаты в соответствии с предложениями императора Анастасия (491-518). В передаче сирийского автора, требование гуннов было сформулировано следующим образом: «Нам недостаточно того, что дает нам персидское государство, как бы подать людям-варварам, которые подобно злосчастным зверям изгнаны богом в северо-западную страну. Мы живем оружием, луком и мечом и подкрепляемся всякой мясной пищей. Император ромейский через послов, которых он прислал, обещал нам умножить подать, если мы разорвем дружбу с вами, персами. Поэтому мы запаслись и приготовились в путь. Или дайте нам, сколько [дают] ромеи, и мы утвердим с вами союз, или, если вы нам не дадите, принимайте войну» {*Псевдо-Захария. 7.3*}.

Шах Ирана, желая избежать разорения своих областей гуннами, согласилась на увеличение им объема платежей. В церемонии заключения обновленного гунно-персидского договора о союзе приняли участие по 400 человек с каждой из сторон. Гуннов представляли «четыреста мужей из гуннских начальников» {*Псевдо-Захария. 7.3*}. Это были, видимо, приближенные правителя, военачальники и вожди племен. Договор был скреплен взаимными клятвами - «поклонились, простирая руки к небу», произнесенными именем богов. Гунны, видимо, клялись именем Бога Неба Тенгри.

Персы, воспользовавшись сложившейся ситуацией, пошли на нарушение договоренностей. После заключения нового договора о союзе основная часть войска гуннов была отправлена в «свою землю» и «немногие [из гуннов] остались с четырьмястами мужей, чтобы взять количество собранной подати» {*Псевдо-Захария. 7.3*}, т.е. недостающий по новому соглашению объем. Персидский царь, как сообщает Псевдо-

Захария, «приготовился к войне как против гуннов, которые рассеялись, так и против тех четырехсот, которые остались, и тех, что были с ними» (*Псевдо-Захария*. 7. 3).

Гунны, готовясь к битве с превосходящими силами противника, исполнили религиозный «обряд на победу». На вершине горы, где были произнесены клятвы, закреплявшие договор, мускусом и ароматами были окроплены «пылающие угли».

Данные о клятводоговоре кочевников Прикаспийского Дагестана, но относящиеся к культурным традициям савир, обосновавшихся в Прикаспийском регионе не ранее 516/517 г., имеются и у византийских авторов. По данным Феофана Исповедника, в разразившейся в 522 г. новой войне между Персией и Византией последняя искала союза с «царем гуннов» Зилгвином, задоблив его «богатými дарами». Зилгвин, как отмечено в источнике, «отеческими клятвами скрепил договор об оказании военной помощи императору против персов» (*Феофан Исповедник*. 522). В другом переводе источника (1884 г.) - он «обещал клятвенно, по обычаю отцев». Царь гуннов одновременно заключил договор и с персами, выступив «к персам с двадцатью тысячами, чтобы воевать против ромеев».

Император Юстин I, решив избежать войны, направил к персам послов для переговоров о мире. Демонстрируя доброжелательность, византийский император раскрыл в своем послании к шаху содержание договоренностей с гуннами. Император сообщил, что Зилгвин должен был, как договорились, во время сражения перейти на сторону византийцев (См.: *Чичуров И.С.*, 1980. Прим. 60. С. 77). Царь гуннов, подтвердивший шаху Ирана Каваду (488-531) наличие тайной договоренности с византийцами, был убит, уничтожена была и большая часть его 20 тыс. войска.

Данные источников показывают, что проведение международных переговоров у гуннов Прикаспия осуществлялось в соответствии с традициями, устоявшимся явлением были и клятвы, закреплявшие договоренности — «по обычаю отцев», что свидетельствует о прочности этой практики (*Гмыря Л.Б.*, 2009. С. 140-148).

В истории народов Восточного Кавказа 30-е гг. VII в. отмечены важными историческими событиями. В 626-628 гг. в Закавказье проводились совместные военные акции Византии и Западнотюркского каганата, направленные против Ирана, и самостоятельные операции тюрков в 628—629 гг. (*Тревер КВ.*, 1959; *Артамонов М.И.*, 1962; 2002; *Гадло А.В.*, 1980; *Новосельцев А.Л.*, 1990; *Цукерман К.*, 2001; *Гмыря Л.Б.*, 2002:2009; *Ромашов С.А.*, 2005). Западнотюркский каганат в правление кагана Тон-ябгу (618-630) достиг своего наивысшего могущества (*Кляшторный С.Г.*, *Султанов Т.Н.*, 2000. С. 91). Владения этого государства на Северном Кавказе к началу VI в. простирались от Дербента до Керченского пролива. В Восточном Предкавказье они граничили непосредственно с территориями, подвластными Ирану (часть Закавказья и Северо-Восточного Кавказа с Дербентом). В состав этого государства входила и «страна гуннов» Прикаспия. Богатые закавказские провинции Ирана привлекали внимание ябгу-каганов. И когда в 626 г. византийский император Ираклий (610-641) направил к Тон-ябгу своего посланника с предложением заключить союз против Ирана, тюрки согласились, видимо, рассчитывая на ограниченные возможности Ирана, который будет вынужден вести военные действия на двух фронтах - в Передней Азии против Византии и в Закавказье с объединенными силами Византии и тюрков. Мовсес Каланкатуаци объяснил причину вступления тюрков в союз с Византией тем, что кагану были обещаны «великие и несметные сокровища» и позволение «грабить все подвластные персидскому царю страны» (*Мовсес Каланкатуаци*. II. XII). Византийский историк Патриарх Никифор (ок. 758-829) отмечал, что решающую роль в исходе переговоров с тюрками сыграли «дары государю турок», которые были посланы Ираклием (*Патриарх Никифор*. *уЛТ*). Однако, видимо, по условиям договора Византией признавалось право Западнотюркского каганата на часть территории Восточного Кавказа. Мовсес Каланкатуаци указывал, что сын ябгу-кагана утверждал, что «получил отец мой во владение эти три страны - Алуанк, Лпинк и Чора навечно» (*Мовсес Каланкатуаци*. II. XIV). Получить территории Кавказской Албании, в том числе и Дербентские укрепления (Чора) «навечно» ябгу-каган

мог только от Византии, т.к. до 626 г. они находились в политической зависимости от Ирана. Уже после убийства шаха Ирана Хосрова II Парвиза (590-628) и заключения в 628 г. мирного договора между Ираном и Византией Тон-ябгу-каган предпринял ряд дипломатических и военных акций по отношению к Кавказской Албании, имевших цель добиться от нее признания власти Западнотюркского каганата {*Мовсес Каланкатуаци*. II. XIV}.

Выход Византии на союз с тюрками в ее борьбе с сасанидским Ираном был обусловлен рядом ее неудач в военных действиях первой трети VII в. Антииранский союз Византии и Западнотюркского каганата существовал и ранее (567-576 гг.), но был расторгнут тюркской стороной, обвинившей Византию в его нарушении из-за ее переговоров с врагами тюрков - аварами.

Тюрко-византийские акции (626-629 гг.) включали несколько важных в военном и политическом отношениях операций: 1) набег тюрков на Кавказскую Албанию и северо-западные районы Ирана, возглавленный сыном ябгу-кагана (626 г.); 2) разгром г. Дербента тюрками во главе с ябгу-каганом (627 г.); 3) набег на Кавказскую Албанию и Иверию (627 г.); 4) неудачная совместная (византийцы, тюрки) осада Тифлиса, встреча у стен города императора Ираклия и Тон-ябгу-кагана (лето 627 г.); 5) совместный рейд византийских войск и 40-тысячного отряда тюрков в тыл персидских владений (лето-осень 627 г.); 6) разгром византийскими войсками персов у г. Ниневи (декабрь 627 г.); 7) заключение персо-византийского договора о мире (628 г.); 8) вторая осада Тифлиса тюркскими войсками во главе с ябгу-каганом, взятие и разгром города, возвращение ябгу-кагана в ставку (628 г.); нападение тюрков во главе с сыном ябгу-кагана на Кавказскую Албанию, предъявление ей ультиматума о признании власти тюрков (628 г.); нападение тюрков на Армению и разгром ее армии (629 г.). Западнотюркский каганат привлекал к участию в этих военных операциях и население подвластных территорий Северного Кавказа, в том числе и «страны гуннов» Прикаспия.

Эти события освещены византийскими, грузинскими и армяноязычными историками {*Феофан Исповедник*. 625/626, 626; *Патриарх Никифор*. 622, 628-629; *Себеос*. III. XIX; *Мовсес Каланкатуаци*. II. XI, XII, XIV, XVI}.

Помимо сведений о политических акциях и военных операциях в период 626-629 гг. в источниках VII - начала IX в. имеются интересные сведения о некоторых традиционных обрядах тюрков - клятводоговорах, церемонии приветствия правителя, культуре правителя и его верховной власти {*Гмыря Л.Б.*, 2002. С. 171, 173; 2009. С. 152-178}. Эти данные свидетельствуют о характере верховной власти в Западнотюркском каганате, традиционных устоях в области дипломатии, системе воспитания наследных принцев и др.

По данным источников, касающихся событий 626-629 гг. на Восточном Кавказе, военные операции с участием тюрков возглавлялись правителем Западнотюркского каганата Тон-ябгу-каганом, где «ябгу» - это военный титул, воспринятый западными тюрками «из кушанской политической традиции, сохраненной эфталитами» {*Кляшторный СТ.*, *Султанов Т.Н.*, 2000. С. 86; *Кляшторный СТ.*, 2002. С. 230-231}. Зимняя ставка ябгу-кагана находилась в Суябе на р. Чу (близ г. Токмак), а летняя - в Минт-Булаке близ Исфиджаба (г. Туркестан) {*Кляшторный СТ.*, *Султанов Т.И.*, 2000. С. 90}. Полная титулатура Тон-ябгу-кагана, обозначенная в его послании персидскому шаху, выглядела так: «царь севера, владыка всей земли, царь твой (Персии. - Авт.) и царь всех царей» {*Мовсес Каланкатуаци*. II. XII}. Правитель Ирана Хосров II Парвиз являлся правнуком ябгу-кагана западных тюрков Истеми (умер в 575 г.). Его дед Хосров I Ануширван (531-579) состоял в династийном браке с дочерью ябгу-кагана Истеми, заключенном в рамках тюрко-иранского военного союза 561-563 гг.

Тон-ябгу-каган возглавлял все военные операции на Восточном Кавказе, вплоть до своего отъезда в ставку (628 г.). Это было одним из условий тюрко-византийского договора 626 г. По его распоряжению был организован набег на Кавказскую Албанию и северо-западные районы Ирана в 626 г. От его имени к персидскому царю было направлено в 626 г. послание, извещавшее его о союзе тюрков с Византией и

содержавшее требования ультимативного характера. Им возглавлялись захват г. Дербента (627 г.), набег на Кавказскую Албанию и Иверию (Грузию) (лето 627 г.), осада г. Тифлиса (лето 627 г.). Тог-ябгу-каган приветствовал у стен г. Тифлиса прибывшего с войсками византийского императора Ираклия.

От имени Тон-ябгу-кагана в 626 г. велись переговоры с Византией об условиях антииранского договора. Возможно, представителем ябгу-кагана на переговорах, проходивших на территории Восточного Кавказа, был его сын, носивший второй по значимости титул «шад» (Голден, 1993. Прим. 28). Завершающий этап переговоров проходил в Константинополе, куда было направлено ответное посольство тюрков, состоявшее из одной тысячи человек, передвижение которого по территории Закавказья проходило в строгой секретности. Цель ответной миссии состояла в подтверждении договоренностей, достигнутых на первом этапе переговоров. Договор был скреплен обоюдной клятвой в согласии с традициями каждой из сторон: «Явившись к великому императору Ираклию, они вновь подтвердили клятву, данную друг другу - каждый в соответствии со своими обычаями» {*Мовсес Каланкатуаци*. II. XII).

Характер клятводоговора тюрков виден из содержания клятвы царевича западных тюрков, носившего титул «шад», данной им в 628 г. при заключении соглашения с католикосом Кавказской Албании о подданстве страны правителям Западнотюркского каганата. Шад поклялся именем ябгу-кагана, своего отца: «Клянусь тебе солнцем отца моего Джебу-хакана...» (Тон-ябгу-кагана. - Авт.) {*Мовсес Каланкатуаци*, II. XIV). Личность и власть каганов у тюрков обожествлялись, каган отождествлялся с богом Солнца.

В событиях 626-628 гг. в источниках засвидетельствованы некоторые детали церемонии приветствия каганов у тюрков. Летом 627 г. у стен осажденного Тифлиса тюрками была исполнена церемония приветствия византийского императора Ираклия. Она содержала элементы обряда приветствия тюркских каганов. Церемония демонстрировала уважение византийскому императору-союзнику и приравнивала его в почестях кагану {*Гмыря Л.Б.*, 2009. С. 171-176). По данным Феофана Исповедника, «завидев Ираклия, Зиевил (Тон-ябгу-каган. - Авт.) поспешил к нему, поцеловал его в плечо и распростерся перед ним на виду у персов из города Тифлис. Все войско турок упало на землю, простершись лицом вниз, и почтило василевса (императора. - Авт.) почестью, незнакомой варварам. Равно и вожди их, взойдя на камни, пали таким же образом» {*Феофан Исповедник*. 625/626). По данным Патриарха Никифора, церемония приветствия византийского императора включала поклон императору до земли самого Тон-ябгу-кагана, а также его войска {*Патриарх Никифор*. Ок. 622). Важно отметить, что, по данным этого автора, ябгу-каган при исполнении церемонии приветствия сошел с коня. Из источников известно, что кочевники даже собственные совещания проводили, сидя верхом на конях. Видимо, зная об этом, император, как писал Никифор, «дал понять турку, чтобы тот, если его намерения заключить союз тверды, приблизился к нему верхом». Но правитель тюрков, желая выразить уважение своему союзнику, предпочел нарушить традиции своего народа. Оценив по достоинству церемонию приветствия тюрков, смысл которой сводился к демонстрации восприятия обоих правителей как равных в их величии, император Ираклий в ответ показал то же восприятие своего союзника — он возложил корону правителя Византийской империи на голову тюркского кагана, сравнив его с собой в значимости {*Гмыря Л.Б.*, 2009. С. 173).

Интересна еще одна деталь, характеризующая протокол дипломатических отношений тюрков. Иностранное посольство, прибывшее в стан тюркского правителя, должно было одаривать его самого и ближайшее окружение в соответствии со статусом каждого из них. Так, византийский император Ираклий даровал Тон-ябгу-кагану «пиршественную утварь, императорские одежды и украшенные жемчугом серьги. Точно также император собственноручно украсил подобными серьгами и сопровождавших турка архонтов» {*Патриарх Никифор*. Ок. 622). Так же поступила делегация католикоса Кавказской Албании Виро в 628 г., отправившаяся в лагерь тюркского царевича (шада) для признания власти тюрков над страной. Албанское посольство сопровождал обоз с

подарками для шада и его ближайшего окружения. Мовсес Каланкатуаци отметил, что католикос «распределил подарки согласно их положению, надписал имена их и запечатал» {*Мовсес Каланкатуаци*, II. XIV). Сведения о статусе приближенных шада католикос специально узнал у наставника царевича, знатного полководца, выполнявшего в переговорах с католикосом миссию посланника. Мовсес Каланкатуаци отмечал, что католикос Виро «узнал от него имена всех вельмож-князей и полководцев, нахараров и начальников племен, [находившихся] в их войске, в соответствии с их достоинством и рангом, чтобы узнать, кому какие преподнести подарки» {*Мовсес Каланкатуаци*, II. XIV).

Обряд приветствия правителя у тюрков непосредственно связан с сакрализацией его личности и власти. Упоминаемая выше клятва сына ябгу-кагана именем отца-кагана, который уподобен в ней богу Солнца, напрямую свидетельствует об обожествлении кагана у тюрков. На это также указывает сравнение шадом албанского католикоса с образом своего отца-кагана и подчеркивание им его богоподобности: «Ты - мне отец, и образ твой богоподобен» {*Мовсес Каланкатуаци*, II. XIV).

Сын кагана, как отмечалось, носил второй по значимости титул «шад» {*Голден П.Б.*, 1993. Прим. 28). У Мовсеса Каланкатуаци в событиях 626-628 гг. он обозначен как сын «правителя» или «царя», автор именуется также «царевичем», «кровожадным львенком» и просто «львенком» {*Мовсес Каланкатуаци*, II. XI. XIV. XVI). А каган у автора - это «хищный зверь», «северный лев рыкающий... Джебухакан» {*Мовсес Каланкатуаци*, II. XIV, XVI). По данным источников, сын Тон-ябгу-кагана был молод. Мовсес Каланкатуаци неоднократно указывал, что при нем находились «храбрые наставники» и «верный воспитатель и наставник царевича» {*Мовсес Каланкатуаци*, II. XIV). Во время встречи с византийским императором у стен осажденного Тифлиса в 627 г. каган представил ему своего сына. Византийский историк Феофан Исповедник отметил, что каган восхищался им, «наслаждаясь его речами, поражаясь его виду и разуму» {*Феофан Исповедник*. 625/626), автором был подчеркнут и его юный возраст - «тот, у кого на подбородке пробивается пушок» {*Чичуров КС*, 1980. Прим. 223. С. 102-103). Обладание титулом шад в Тюркском каганате предусматривало не только прямое родство с каганом, но и наличие определенных качеств, необходимых для предводителя — разумность в поступках, обладание красноречием и видной внешностью, организаторскими способностями военачальника и талантом дипломата в решении международных дел.

По данным Мовсеса Каланкатуаци, шад в кампании 626-629 гг. на Восточном Кавказе в отсутствие кагана возглавлял несколько военных операций: 1) набег в 626 г. на Кавказскую Албанию и часть Атрапотакана (Северо-западная провинция Ирана, древняя Мидия; 2) участие в 627 г. в совместном рейде византийских и тюркских войск в тыл персидских владений. Под руководством «шада» находился 40-тысячный контингент воинов; 3) военная акция в 628 г. против Кавказской Албании с целью принуждения ее признать власть тюрков; 4) нападение тюрков на Армению и разгром ее армии (629 г.).

Шад был непосредственным участником всех операций на Восточном Кавказе, возглавлявшихся самим каганом: 1) разгром Дербента в 627 г.; 2) набег в 627 г. на Кавказскую Албанию и Иверию; 3) неудачная осада летом 627 г. Тифлиса; 4) вторая осада Тифлиса тюрками и взятие города в 628 г.

По поручению кагана он вел переговоры с иностранными правителями. В частности, по данным Мовсеса Каланкатуаци, шад, предприняв первую военную акцию против Ирана в 626 г., разбив лагерь у р.Араке, «отправил гонцов к великому царю Хосрову оповестить, что он вступил в союз с императором и прибыл ему на помощь» {*Мовсес Каланкатуаци*, II. XII). Он вел также переговоры в 628 г. с католикосом Кавказской Албании Виро, фактически являвшимся в тот период руководителем страны, о признании власти Западнотюркского каганата.

Сначала к католикосу Виро были отправлены послы шада, предъявившие ему ультиматум. Они были приняты с почетом и получили дары. Католикос затягивал переговоры, ожидая решения шаха, в чьем подданстве находилась Кавказская Албания.

По истечении срока ультиматума Албания подверглась опустошительному разорению. Вторично шад отправил на переговоры к Виро своего воспитателя и наставника, знатного полководца. Как пишет Мовсес Каланкатуаци, «главные мужи этой великой страны» вместе с католикосом Виро приняли решение признать власть кагана. В лагерь шادا было отправлено посольство, включавшее католикоса и «знатных людей» Албании. Членам албанской делегации разрешили пройти в шатер шادا, «приказав всем ступать медленно и трижды поклониться». Но во «внутренний шатер», где пиршествовал царевич со своими «вельможами и нахарарами», пропустили только католикоса. Католикос совершил обряд приветствия царевича, входивший в традицию тюркской иерархической системы - пал ниц перед ним. Шад, являясь сыном кагана, был представителем его власти в Кавказской Албании и обряд его приветствия соответствовал статусу кагана.

По данным Мовсеса Каланкатуаци, шад потребовал во время переговоров, чтобы все жители «возвратились по домам, к трудам и занятиям повседневным». Он обязался прекратить набег на Албанию и вдвойне возместить причиненный ей материальный ущерб за счет набегов на соседние страны. Шад также заявил о претензиях тюрков на владение некоторыми областями Закавказья, в том числе Дербентским проходом и Кавказской Албанией. Католикос объявил о признании власти тюрков над Албанией (*Мовсес Каланкатуаци*. II. XIV).

Шад в ответ на почести, оказанные ему католикосом Виро, продемонстрировал католикосу подвластной страны особое уважение. Он «приказал ему сесть рядом с собой там же в шатре». По иерархическим правилам тюрков рядом с «шадом» мог сидеть только высокопоставленный вельможа, рангом ниже, т.е. «тегин» (*Чичуров КС*, 1980. Прим. 218. С. 101-102). Такой чести, нарушая протокол, шад удостоил албанского католикоса. Более того, Мовсес Каланкатуаци отметил, что подданные шادا «величали католикоса наравне с царевичем своим: «Бог Шад и бог католикос», а пришедших вместе с католикосом называли «любезный брат» (*Мовсес Каланкатуаци*. II. XIV). Личность и власть сына кагана также обожествлялись, как и его самого. Мовсес Каланкатуаци отмечал, что посланники шادا называли его «Бог наш», а прямым обращением к царевичу была форма «Бог Шад». Обожествление власти и личности кагана и его сына было у тюрков устоявшимся явлением.

Процесс консолидации кочевых племен Прикаспия завершился к VII в. В 50-80 гг. VII в., по данным письменных источников, как отмечалось, военно-политическое образование «страна гуннов» находилось по уровню социально-экономического развития на пути формирования государственности раннефеодального типа (*Гмыря Л.Б.*, 1980; 1988; 1995; 2006).

Итогом политического, социально-экономического и этнокультурного развития населения Прикаспийского Дагестана в IV-VII вв., как показывают данные письменных источников и археологические материалы, явилось формирование в его пределах своеобразной этнокультурной общности (*Гмыря Л.Б.*, 1996; *Агларов М.А.*, 1998), для которой были характерны особый облик материальной культуры (структура и фортификация городов, типы жилищ и хозяйственных построек, бытовая утварь, вооружение, орудия труда, украшения, предметы одежды), специфика хозяйственной деятельности, приоритет военного дела, своеобразие структуры административного аппарата, особенности религиозных устоев и ряд других проявлений. Связующими элементами функционирования этнокультурной общности были политический и религиозный центр город Варачан и язык межэтнического общения, которым выступал тюркский язык (*Гмыря Л.Б.*, 1993; 1995; 1996; 2008; 2009).

У армяноязычных историков VII в. имеется много данных географического и политического характера о «стране гуннов». Писавший в 50-60-х гг. VII в. епископ Себеос, отмечая особенности ее местонахождения, называл это политическое образование «страна при подошве гор» (*Себеос*. С. 164), указывая, что гунны живут «при гористой стране Кавказа» (*Себеос*. С. 30-31). Он называл и другой географический ориентир «страны гуннов» - Дербентский проход, обозначая его «ущелье Джора», «врата

гуннские», «Каспийские ворота». Гунны Себеоса - это «народ, живший у Каспийских ворот». В другом источнике - «Армянской географии», автором которой считается математик и астроном VII в. Анания Ширакаци, владения гуннов также помещены у Каспийского моря, севернее Дербента. В этом сочинении подвластные гуннам территории именуется «царством гуннов». Автор указывал, что «к северу (от Дербента. - Авт.) близ моря находится царство Гуннов, на запад у Кавказа город гуннов, Вараджан, а также города Чунгарс и Мсндр» (Семендер) (Армянская география... С. 29). Мовсес Каланкатуаци указывает только на один географический ориентир местонахождения «страны гуннов» - «ворота Чора» (Дербент), через который гунны проникали в Закавказье, обычно именуя его «воротами гуннов». Он называет также некоторые города этой страны, в том числе и ее столицу город Варачан, описывая один из горных маршрутов к нему из Кавказской Албании через Дербент. «Страна гуннов», по армянским источникам, находилась в непосредственной близости от северных границ Кавказской Албании. По заключению исследователей, «страна гуннов» занимала прикаспийские районы Северо-Восточного Кавказа (М.И. Артамонов, В.В. Бартольд, Л.Н. Гумилев, С.Г. Кляшторный, В.А. Кузнецов, Я.А. Федоров, Л.Б. Гмыря).

Основу экономики «страны гуннов» в VII в. составляли земледелие (производство зерновых), виноградарство, садоводство и скотоводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, верблюдов). Значительный доход приносили постоянные (ежегодные) набеги на страны Закавказья и взимаемые с них поборы. Было развито также ремесло, в стране сформировались устойчивые внутренние торговые связи и экономические центры. В столице «страны гуннов» городе Варачане находилась ставка верховного правителя, в его окрестностях располагались культовые объекты (святилище, священная роща и др.) {Гмыря Л.Б., 1995; 2009}.

В письменных источниках имеются многочисленные данные о глубокой дифференциации населения «страны гуннов» в 50-80-х гг. VII в. Высшее положение занимал правитель - великий князь. Его ближайшему окружению (родовая аристократия) принадлежали административные должности в аппарате управления, важную роль в стране играла и служилая знать. Вельможам и военачальникам были противопоставлены рядовые воины, ремесленники и земледельцы. Существовало также домашнее рабство, основу которого составляли захваченные в набегах жители других стран и рабы, приобретаемые на невольничьих рынках Востока. Особое положение в стране занимали священнослужители, которые обеспечивали функционирование религиозных устоев, осуществляли религиозную практику, а также удовлетворяли иные религиозно-магические потребности населения (Гмыря Л.Б., 1995; 2009).

Верховная власть в «стране гуннов» была сосредоточена у великого князя Алп-Илитвера. По своему званию правитель «страны гуннов» занимал третью ступень в иерархии Хазарского каганата после кагана и его наследника (Кляшторный С.Г., 1984, С.21). Власть правителя гуннов распространялась на все области внутренней и внешней жизни страны (Гмыря Л.Б., 1995. С. 166-170). Он начинал войну и зачастую сам предводительствовал войсками, вел переговоры с правителями других государств и заключал с ними союзы. Данные об этих функциях Алп-Илитвера имеются у Мовсеса Каланкатуаци. Он подробно повествует о двух военных акциях гуннов против Кавказской Албании, последовавших в 664 и 669 гг. Во время акции 664 г., состоявшейся в день зимнего равноденствия, в полон было уведено 1200 человек, захвачено 120 тыс. голов скота, 7 тыс. лошадей и жеребцов.

Великий князь гуннов через посланников, своих братьев, обратился к правителю Кавказской Албании князю Джуаншеру с предложением заключить союз. Переговоры между правителями обеих стран проходили на территории Кавказской Албании. Условия мирных соглашений предусматривали «прекратить раздор и, что главное, установить братскую дружбу» (Мовсес Каланкатуаци. \\. XXVI). Союз двух стран был скреплен браком князя Джуаншера и дочери правителя гуннов. По условиям договора Албании были возвращены пленные и награбленные материальные ценности. Видимо,

установившийся союз предусматривал предоставление Кавказской Албании и военной помощи в случае агрессии со стороны Арабского Халифата. Мовсес Каланкатуаци указывал, что халиф Муавия I (661-680) страшился, что Джуаншер «мог бы призвать на помощь бесчисленное войско туркестанцев (гуннов. - Авт.) ... в силу своего родства с ними» {*Мовсес Каланкатуаци. И. XXVII*}.

Военную акцию 669 г. также возглавлял «великий князь гуннов Алп-Илитуер» {*Мовсес Каланкатуаци. II. XXXVI*}. Разорению подверглось несколько областей Кавказской Албании, было уведено в плен население, захвачен скот. В качестве причины набега Мовсес Каланкатуаци назвал убийство заговорщиками князя Джуаншера, союзника «страны гуннов». Новый правитель Кавказской Албании Вараз-Трдат (669-699), племянник Джуаншера, через своего посланника, главу албанской церкви католикоса Елизара, призвал царя гуннов к восстановлению союзнических отношений. Но условия нового мирного договора не соблюдались. Через 12 лет после заключения союза о мире, в 681 г. Вараз-Трдат назвал «набеги полчищ гуннов..., повторяющиеся из года в год» {*Мовсес Каланкатуаци. II. XXXIX*}, невыносимым бедствием для страны. В 682 г. Албания вынуждена была заключить со «страной гуннов» новое соглашение о мире, одним из условий которого было укрепление родственных связей между правителями, а также принятие гуннами христианства, которое состоялось в феврале 682 г.

Под контролем великого князя «страны гуннов» находилась и духовная жизнь подданных, несмотря на относительную независимость организации языческих священнослужителей. Решение отказаться от религии предков было принято Алп-Илитвером. Он с большими почестями встретил в городе Варачане албанскую христианскую миссию во главе с епископом Израилом и даже исполнил церемонию приветствия, «поклонившись ему» {*Мовсес Каланкатуаци. II. XXXIX*}, что предусматривалось обычаями только по отношению к главам и посланникам союзных государств.

Алп-Илитвер первым принял христианскую веру, то же сделали его приближенные из числа знати. Остальное население «страны гуннов» перешло в христианство под воздействием насильственных методов (исповедание языческих верований каралось смертной казнью). Правитель «страны гуннов» санкционировал искоренение языческих обрядов и низложение организации священнослужителей. Был уничтожен главный символ страны - священный дуб, из его ствола изготовили символ новой веры - крест. В стране был введен запрет на исполнение языческих обрядов (жертвоприношение богам и др.) и использование атрибутов языческих верований (подвески в виде змеи). Алп-Илитвер выступил с инициативой организации в стране церковного управления, аналогичного армянской и албанской церквям. Алп-Илитвер настаивал на ускорении темпов распространения христианства в регионах «страны гуннов».

Великий князь «страны гуннов» обладал также полномочиями верховного судьи и карающими функциями. По его повелению некоторых представителей языческого духовенства - противников христианизации - казнили через сожжение на кострах, других заточили в темницы, где они находились до суда над ними. Суд над представителями высшего духовенства «страны гуннов», отказавшихся принять христианство и призывавших народ к неповиновению, проходил на площади столичного города Варачана при «многочисленном собрании народа». В процессе ведения судебного процесса обеим сторонам - обвиняемым и обвинителям, от имени последних выступал епископ Израил, дали возможность огласить свои позиции. Великий князь на суде выполнял функции судьи: «Когда каждая сторона дискутировала перед толпящимся собранием, епископ начал читать из Святого Писания и строго опровергал их и пристыдил. Жалкие жрецы фальшивой религии были пристыжены крестом Господним, который епископ держал постоянно в своей руке, и были обескуражены и приведены в уныние и, обвиняя себя, признали свои грехи и были обращены в истинную веру» {*Мовсес Каланкатуаци. II. XLI*}. Признание своей вины и раскаяние спасло жрецов от казни через сожжение. Символами их отречения от религии предков стала передача

епископу священных языческих атрибутов (костей), которые были сожжены, и уничтожение ими святилища, располагавшегося в окрестных лесах города Варачана. Только после проведения этих актов жрецы были крещены.

В особо важных вопросах правитель «страны гуннов» искал согласия у родовой аристократии и вождей племен. Мовсес Каланкатуаци посвятил специальную главу своей книги описанию совещания великого князя «страны гуннов» Алп-Илитвера с представителями власти по поводу ускорения темпов принятия христианства в регионах страны.

Стойкими сторонниками великого князя в христианизации «страны гуннов» была знать. У Мовсеса Каланкатуаци знать обозначена как «достопочтенные вельможи» («пахагагс»), «приближенные», «вельможи земли», «нахарары своих владений». Они вместе с правителем «страны гуннов» приняли христианство, одобрили уничтожение священных объектов (священная роща, святилище, скульптуры богов) {*Мовсес Каланкатуаци. II. XXXIX; XL; XLI; XLII*}. В источнике упомянуты некоторые представители этого сословия: «старший принц по имени Авчи (охотник. - Авт.), полководец, который имел титул тархана», и управляющий княжеским двором Чат'касар {*Мовсес Каланкатуаци. II. XLII*}. По данным источника, великий князь «страны гуннов» поручил им деликатную миссию - вести переговоры с епископом Исраилом об основании в городе Варачане гуннской епархии. С той же миссией в Кавказскую Албанию и Армению были отправлены с грамотами великого князя «страны гуннов» двое других «вельмож» - «ил-тигин из Хорасана и Чат хазр из числа вождей своей страны» {*Мовсес Каланкатуаци. II. XLIII*}.

Они, видимо, были связаны с великим князем родственными узами. Все они обладали титулами, определявшими уровень их знатности. Великий князь, как указано в источнике, «сам достиг ранга илитуэра» благодаря военным подвигам {*Мовсес Каланкатуаци. II. XLI*}. «Старший принц Авчи», вероятно, был одним из многочисленных братьев великого князя, его подвиги полководца позволили ему добиться титула «тархана». Посыльный великого князя «ил-тегин из Хорасана» также принадлежал к высшей знати, он обозначен в источнике через свой титул «эль-тегин», указывающий на уровень его знатности {*Кляшторный С.Г., Султанов Т.Н., 2000. С. 144*}.

Являясь основными организаторами и участниками военных акций, великий князь и знать «страны гуннов» были ярыми противниками сложившейся тенденции накопления чрезмерных богатств в языческих храмах, что усиливало влияние в обществе жречества. Внешнеполитические задачи «страны гуннов», диктовавшиеся угрозами захватнической политики Арабского халифата на Восточном Кавказе (первый этап продвижения арабов в район Прикаспийского Дагестана состоялся в 40-50-х гг. VII в., второй - в 707-738 гг.), требовали поисков надежных союзников в лице христианских государств Закавказья и Византии. Это в конечном счете и обусловило переориентацию «страны гуннов» в идеологической сфере, т.е. ее разрыв с традиционными языческими верованиями.

Власть и личность правителя «страны гуннов» не были обожествлены, как, к примеру, каганов в Тюркском и Хазарском каганатах. Это положение обуславливалось политической зависимостью «страны гуннов» от Западнотюркского каганата (до 630 г.) и ее включением в состав Хазарского каганата (прим. с 50-х гг. VII в.). Отсутствие обожествления власти великого князя «страны гуннов» фиксирует занимаемое ее правителем положение в иерархической стратификации. Алп-Илитвер обладал титулом, отражавшим социальный статус правителей крупных племен и племенных союзов в тюркской иерархической системе {*Кляшторный С.Г., 2006. С. 314*}, божественной у тюрков считалась власть только каганов. В Хазарском каганате, в состав которого была включена «страна гуннов», Алп-Илитвер был одним из правителей политических образований, подчинявшихся верховной власти кагана, чья личность и власть также обожествлялись.

Значительную роль в функционировании «страны гуннов» играла разветвленная организация священнослужителей {*Гмыря Л.Б., 2009. С. 379-419*}, включавшая два соподчиненных сословия — высшее (сословие жрецов) и низшее (сословие колдунов).

Сословие жрецов осуществляло проведение обрядов жертвоприношения. Оно имело иерархическую структуру и возглавлялось главным жрецом. Специальные подразделения жрецов обеспечивали отправление верований по отношению к священным объектам природы - Солнцу, Луне, воде, огню. В обязанности жрецов входила также охрана культовых объектов (священные рощи, святилища, скульптуры божеств), считавшихся неприкосновенными. В источнике (*Мовсес Каланкатуацци*) отмечены священные атрибуты жрецов - золотые и серебряные подвески с изображением змеи.

Сословие колдунов (чародеи, колдуны, заклинатели) обеспечивало наступление нужного явления или события посредством использования специфических приемов и атрибутов. Чародеям приписывались способности вызывать дожди во время засухи или прекращать затяжные ливни. Колдуны, как считалось, могли с помощью закодированных текстов, обращаясь к священному образу Земли, вызвать наказание тем, кто нарушал традицию жертвоприношения и посягал на сохранность культовых объектов. В источнике (*Мовсес Каланкатуацци*) отмечены священные атрибуты колдунов - игральные кости. Заклинатели также использовали закодированные тексты для «наведения вреда» (болезнь, смерть) тем, кто посягал на незыблемость религиозных верований в «стране гуннов».

Сложная система функционирования организации священнослужителей свидетельствует о развитости управления религиозной жизнью в «стране гуннов» и значимости религиозных устоев в обществе. Несмотря на могущество и возросшее материальное состояние организации священнослужителей, контроль над идеологией осуществлялся правителем страны - великим князем. Христианская реформа 682 г., проведенная Алп-Илитвером, была направлена не только на укрепление его власти, она, по существу, являлась актом перераспределения экономического потенциала, политического и идеологического приоритета внутри родоплеменной верхушки феодализирующейся знати.

Основной обязанностью мужского населения «страны гуннов» было участие в военных походах. По данным Мовсеса Каланкатуацци, войско состояло из «вооруженных в броню ратников с их воеводами, знаменами, полками, броненосных стрелков и вооруженных всадников, покрытых кольчугами и шлемами» (*Мовсес Каланкатуацци*. II. XXXVI). Армия находилась в подчинении правителя страны - великого князя, который сам непосредственно участвовал в военных акциях и показал «много подвигов храбрости» (*Мовсес Каланкатуацци*. II. XLI). По данным источников, уровень вооружения «страны гуннов» и тактические приемы ведения сражений ее воинами отвечали современным требованиям военного искусства, создавая им славу как отличным воителям. Гунны использовали в бою длинные и короткие мечи, копья, арканы. Основным типом дистанционного оружия был лук. Для штурма укреплений применялись легкие, сооруженные из прутьев тараны, обтянутые кожей, которые можно было переносить в нужное место, укрываясь от обстрела внутри них. Для разрушения крепостей использовались камнеметательные машины (*Гмыря Л.Б.*, 1995).

Вся военная добыча (материальные ценности, скот, военнопленные и уведенное в полон местное население - женщины, дети, ремесленники) принадлежала правителю, но определенная ее часть распределялась между полководцами и рядовыми воинами.

В войске «страны гуннов» были подразделения, осуществлявшие разведку, цель которой состояла в сборе данных о дислокации противника, численном составе его войска, вооружении, тактике ведения сражений и т.д. В войске были и переводчики, знавшие языки стран, с которыми гуннам приходилось взаимодействовать.

Воины были активными участниками общественной жизни «страны гуннов». Мовсес Каланкатуацци отмечал, что на первой проповеди епископа Исраила в городе Варачане присутствовали помимо великого князя и знати также «фрамики», т.е. простое население, видимо, воины. На суде над главами сословий организации языческих священнослужителей также присутствовали воины - жители города Варачана.

В «стране гуннов» брачные отношения определялись традицией (*Гмыря Л.Б.*, 2009. С. 438⁴², 463⁶⁵). Наиболее распространенной формой брака была моногамия, т.е.

женитьба на одной женщине. В источниках не отмечено фактов многоженства у правителя «страны гуннов». Указано наличие практики династийных браков. Так, великий князь «страны гуннов» Алп-Илитвер одну из своих дочерей отдал в жены правителю Кавказской Албании Джуаншеру в рамках заключенного мирного договора 664 г. Другую дочь выдал за кагана хазар в 684 г., но и этот брак был освещен традицией, закреплявшей связь Хазарского каганата с подвластными политическими образованиями. Однако, в «стране гуннов» практиковались и левиратные формы брака - женитьба на вдове отца одного из его сыновей, рожденного от другой женщины, на вдове брата - одного из его братьев. Но эти формы брака исполнялись только в цикле похоронно-поминальных мероприятий, а именно, были связаны с годовыми поминками по умершему. Оформление брака с вдовой умершего имело религиозную сущность, обуславливающую стремление «к реинтеграции, к замещению умершего другим — реально или хотя бы символически равноценным, похожим» {Токарев С.А., 1999. С. 44). По завершению годовых поминок заключались браки и молодых пар. Брачная практика в системе похоронно-поминального обряда имела символику цикличности жизненных процессов (жизнь—смерть-жизнь).

Данные письменных источников о правовых нормах функционирования союзов племен и государств тюркоязычных народов, существовавших в раннем средневековье на территории Дагестана, показывают, что в их основе лежал свод неписанных законов и положений, сложившихся в каждом этнополитическом сообществе в виде традиций. Исторически выработанные положения регламентировали все области функционирования этих сообществ. Они затрагивали как их внутреннюю жизнь, так и внешнеполитическую деятельность. В первую очередь, правовые нормы обуславливали статус правителя сообщества (царь, каган, великий князь) и регламентировали условия его прихода к власти. Они также очерчивали круг функций правителя, в том числе внешнеполитических. Особая значимость придавалась религиозной функции. В одних сообществах правитель являлся первосвященником, т.е. отправлял религиозные обряды, в других - эта функция принадлежала главному жрецу.

Обычное право, закрепляло социальную стратификацию сообщества, обеспечивая права каждой из групп населения страны (родовая и военная знать, воины, священнослужители, земледельцы, ремесленники, торговцы, рабы).

Традиционные правовые нормы предусматривали также наличие судебных и карательных функций правителя. В сообществах Прикаспийского Дагестана судебные разбирательства предусматривали возможность дискуссии, в которой участвовали как обвинители, так и обвиняемые. Но приговор выносился правителем с учетом его понимания дела. Высшей мерой наказания была смертная казнь. В источниках описаны случаи ее применения к лицам, отказавшимся от традиционных верований номадов.

Строго регламентировалась традициями и дипломатическая деятельность. Существовал свод правил, применяемых при переговорах с правителями иностранных государств или их посланниками, при встрече правителей союзных государств и их посланников. В сообществах Прикаспийского Дагестана в переговорах с иностранными правителями учитывались интересы не только верховного правителя (царя, великого князя), но и всех племен, составляющих союз. Так, в переговорах царя гуннов (504 г.) с персами участвовало 400 «гуннских начальников». На переговоры с императором Византии каганом западных тюрков было отправлено в 626 г. посольство численностью в тысячу человек. Существовала специальная словесная форма (клятва), закреплявшая договоренности с иностранными правителями. Был также выработан церемониал приветствия иностранных правителей. Иностранные правители и посланники, прибывшие с визитом в страну, должны были исполнять церемониал в соответствии с местными традициями (поклон или падение ниц при встрече с каганом, одаривание самого правителя и представителей знати).

В «стране гуннов» были выработаны также нормы брачного права и похоронные традиции. Похоронные традиции тюркоязычных народов Прикаспийского Дагестана

обеспечивали социальную дифференциацию в похоронном обряде (особый статус предусматривался по отношению к погребальным церемониям каганов), а также необходимость исполнения левиратных форм браков (женитьба на вдове умершего близкого родственника в день годовых поминок).

В целом традиционные правовые нормы воспринимались населением тюркоязычных сообществ Прикаспийского Дагестана как нормы отечества, воспринятые от предков, т.е. им придавалась этнокультурная окраска. Их незыблемость гарантировала в представлениях населения этническую неповторимость сообществ и их устойчивое существование в полиэтническом мире.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агафий*, 1953. О царствовании Юстиниана / Пер., статья и прим. МБ Левченко. М.; Л
- Агларов М.А.*, 1998. Тюркский «прессинг» на Восточном Кавказе // Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Этногенетические исследования. Махачкала.
- Армянская география VII в. по Р.Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому), 1953 / Пер. К.П. Патканова. СПб.
- Артамонов ММ.*, 1962. История хазар. Л.
- Артамонов М.И.*, 2002. История хазар. СПб.
- Бичурин Н.Я.*, 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л. Т. 1.
- Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.*, 1996. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала.
- Гадло А.В.*, 1979. Этническая история Северного Кавказа FV-X вв. Л.
- Гадло А.В.*, 1980. Религиозная реформа в «стране гуннов» в VII в. как выражение социального конфликта периода становления классового общества // Тез. докл. Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Махачкала.
- Гмыря Л.Б.*, 1979. Социальный состав гуннского общества (VI—VII вв. н.э.) // Тез. докл. II Конференция молодых ученых Даг. ФАН СССР. Махачкала.
- Гмыря Л.Б.*, 1980. «Царство гуннов» (савир) в Дагестане (IV—VII вв. н.э.): Дис... канд. ист. наук. М.
- Гмыря Л.Б.*, 1988. Об общественных отношениях у гуннов Северо-Восточного Кавказа VI—VII вв. н.э. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала.
- Гмыря Л.Б.*, 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала.
- Гмыря Л.Б.*, 1995. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала.
- Гмыря Л.Б.*, 1996. Культурно-историческая ситуация Прикаспийского Дагестана в раннем средневековье // Тез. докл. Новые исследования дагестанских историков: Материалы научной конференции, посвященной итогам научно-исследовательской деятельности ИИАЭ ДНЦ РАН за 1990-1995 гг. Махачкала.
- Гмыря Л.Б.*, 2002. Гунны на Северном Кавказе; Наследники гуннов в степях юго-восточной Европы: савиры, авары; Хазары на Кавказе // История татар... Т. 1. Казань.
- Гмыря Л.Б.*, 2006. Тюркские народы Северного Кавказа // История татар... Т. 2. Казань.
- Гмыря Л.Б.*, 2008. Культ священных деревьев в религиозных воззрениях населения Прикаспийского Дагестана (VII—VIII вв.) // Российская археология. № 2.
- Гмыря Л.Б.*, 2009. Религиозные представления населения Прикаспийского Дагестана в IV-VII вв. Махачкала.
- Голден П.Б.*, 1993. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М.

- Джафаров Ю.Р.*, 1977. К вопросу о хайландурах историка Егише // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIII годичная научная сессия ЛОИВАН СССР (Краткие сообщения). М.
- Джафаров Ю.Р.*, 1979. К датировке событий XXVIII-XXX глав I части «Истории албан» Моисея Каланкатуаци // Письменные памятники Востока. История, филология. М.
- Джафаров Ю.Р.*, 1985. Гунны и Азербайджан. Баку.
- История Армении Моисея Хоренского, 1858 / Пер. Н. Эмина. М.
- История Армении Фавстоса Бузанда, 1953 / Пер., комм. М.А. Геворгяна под редакцией СТ. Еремяна // Памятники древнеармянской литературы. I. Ереван.
- История императора Иракла, сочинение Епископа Себеоса, писателя VII века, 1862. / Пер. К. Патканьян. СПб,
- История Дагестана. В 4-х т. Т. 1. М., 1967.
- История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. М., 2005.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца ХУШв.М, 1988.
- История татар с древнейших времен. В 7-и т. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002.
- История татар с древнейших времен. В 7-и т. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.
- Кляшторный С.Г.*, 1984. Праболгарский Тангра и древнетюркский пантеон // Сборник в памет на проф. С. Ваклинов. БАН. София.
- Кляшторный С.Г.*, 2001. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Известия Национальной Академии наук Кыргызстана. № 1-2.
- Кляшторный С.Г.*, 2002. Степная империя тюрков и ее наследники // История татар... Казань.
- Кляшторный С.Г.*, 2006. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.Н.*, 2000. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.
- Мовсес Каланкатуаци*, 1984. История страны Алуанк / Пер., предис. и комм. Ш.В. Смбатяна. Ереван.
- Новосельцев А.П.*, 2001. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Патриарх Никифор*, 1980. Бревиарий / Пер. и комм. И.С.Чичурова // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» НикифораМ.
- Пигулевская К.*, 1941. Сирийские источники по истории народов СССР // Труды Ин-та востоковедения. М.; Л. Т. XLI.
- Прокопий из Кесарии*, 1960. Война с готами. Книги V—VIII «История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами» / Пер. СП. Кондратьева. М.
- Ромашов С.А.*, 2005. От тюрков к хазарам: Северный Кавказ в VI—VII вв. // ТС. 2003-2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М.
- Тер-Саркисян*, 2005. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М.
- Токарев С.А.*, 1999. Погребальные обычаи, их смысл и происхождение // Этнографическое обозрение. № 5.
- Тревер КВ.*, 1959. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н.э. - VII в. н.э.). М.; Л.
- Федоров Я.А.*, 1972. Хазария и Дагестан // Краткий этнографический сборник. М. Вып. 5.
- Федоров Я.А., Федоров Г.С.*, 1978. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.
- Феофан Исповедник*. Хронография, 1980 / Пер., комм. И.С. Чичурова // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий»НикифораМ.

Хроника Захарии Ритора (Главы, относящиеся к гражданской истории), 1941 / Пер. Н. Пигулевской // Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР // Труды Ин-та востоковедения. М.; Л. Т. ХLI.

Цукерман К., 2001. Хазары и Византия: первые контакты // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь. Вып. VIII.

Чичуров КС, 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М.